СЕВЕРОКАВКАЗСКОЕ КАЗАЧЕСТВО

■ Как и другие народы, восточные славяне не представляли и не представляют собой некоего этнического монолита; еще и сейчас внутри них можно выделить отдельные субэтнические группы населения. К таким группам, например, относилось и относится современное северокавказское казачество (терское, кубанское и др.). В результате многовекового расселения восточных славян на обширных пространствах с различными географическими и социально-экономическими условиями, а также многовековое соседство с другими этносами складывалась определенная специфика хозяйства и быта этих групп восточнославянского населения. Например, к таким этногеографическим регионам, где ныне проживает современное казачество, относится и Северный Кавказ с прилегающими территориями юга Восточной Европы (Дон, Терек, Кубань). На своеобразии этого региона значительное влияние оказали как факторы исторического характера, так и давние контакты и связи с коренным населением края, начиная еще с эпохи Древнерусского государства.

Причины возникновения таких групп, разнообразны. Это и антифеодальный протест, и, как следствие его, бегство крестьянского и другого зависимого населения на окраины Русского государства. Это и раскол православной церкви в середине XVII в., и преследование старообрядцев; это и административные перемещения «служилых людей» на окраины государства; наконец, имели значение и переселения правительством различных социальных групп с целью хозяйственного освоения окраинных территорий Российской империи, а также и иные миграции населения.

Вопрос о роли восточнославянского этнического элемента на юге Восточной Европы (Дон, Терек, Кубань) непосредственно связан с проблемой появления в этих регионах еще древнерусского населения.

Многочисленные археологические и лингвистические материалы, вещественные и письменные источники позволяют отнести появление славянского населения в крае ко времени существования Тмутараканского княжества на Таманском полуострове (X—XII вв.); некоторые данные косвенно указывают и на более раннее проникновение славян в регион. Есть основания предполагать, что территория княжества охватывала и более широкие географические рамки — Приазовье, западную часть Северного Кавказа и Восточный Крым.

В связи с изучаемой проблемой заслуживают внимания и материалы о т. н. «бродниках», живших на юге страны и являвшихся предшественниками казачества. «Бродники» непосредственно связаны с историей восточнославянского населения Северного Кавказа и казачества.

Новую волну восточнославянских поселенцев следует датировать после-монгольским временем и особенно XVI в., т. е. временем начала собственно «казачьего периода» в истории юга Восточной Европы. Уже новые славянские (русские и украинские) группы населения селятся на землях Северного Кавказа, включая побережье Кубани, Терека и Сунжи. С этого времени наличие в крае восточнославянского этнического элемента становится постоянным и стабильным. Начинается т. н. «казачий период» в истории юга России.

По мнению большинства отечественных и зарубежных ученых, слово «казак» имеет тюркское происхождение.

Дальнейшую историю казачества на Северном Кавказе можно разделить на 5 периодов.

1. Середина XVI в. — 80-е гг. XVIII в. (с подразделением на начальный — середина XVI в. — 20-е гг. XVIII в. и последующий — 20–80-е гг. XVIII в. этапы).
2. 80-е гг. XVIII в. — 60-е гг. XIX в.
3. 60-е гг. XIX в. — начало XX в.
4. 1917 г. — начало 90-х гг. XX в.
5. 90-е гг. XX в. по настоящее время (возрождение казачества).

Несмотря на неизбежное смешение переселенцев и сильное «нивелирующее» воздействие на них особого «служилого» сословного статуса, в составе славянского населения Северного Кавказа четко прослеживались локальные группы русского и украинского происхождения. Выделялись также селения переходного этнокультурного состава. За время длительного проживания на Северном Кавказе казаки сблизались в хозяйственно-экономическом и культурно-бытовом отношении с коренным населением края, что сказалось на их взаимосвязях и взаимовлияниях в области материальной и духовной культуры, на всем укладе их жизни.

Первый этап (сер. XVI в. — 70-е гг. XVIII в.)

▪ Конец XV — начало XVI в. — важный период в истории Русского государства. После освобождения от монголо-татарского ига, завершилось объединение русских земель. Завоевание Астрахани и Казани в 1550-е гг. раздвинуло границы Русского государства до устья Волги, дав ему выход к Каспийскому морю и Предкавказью. В то же время внешняя политика Османской империи и Персии создавала крайне напряженное положение на Кавказе, часть народов которого стали искать защиты у Русского государства. Уже с XVI в. с просьбами к Русскому государству о помощи и принятии в подданство обращаются правители Шемахи, Шевкала, Дербени, Иргеча и других кавказских земель.

Именно в этот период (скорее всего, во 2-й четверти XVI в.) на Северном Кавказе появляются первые переселенцы из славянских земель. То были вольнолюбивые люди, не желавшие мириться с феодальной кабалой на родине; они уходили на окраины русских земель, где создавали казацкие общины, открытые для всех, у кого было желание поселиться в тех местах. Ряды казаков пополнялись и за счет лиц, стремившихся к легкому обогащению. Есть основания предполагать, что казацкие общины с момента возникновения вбирали в свой состав и представителей местного населения, которые подвергались обрусению и христианизации.

Практически открытые границы региона, веротерпимость, потребность в людских ресурсах и другие факторы способствовали свободному притоку славянских переселенцев на Дон и Терек. Земледельческий труд в этот период из-за отсутствия необходимых условий не получил широкого распространения среди переселенцев. Главными их занятиями были традиционное для региона скотоводство, рыбная ловля, сбор плодов дикорастущих растений (носивший подсобный характер), а также разбой и грабежи в виде т. н. походов «за зипунами». Из демографических процессов в эту эпоху главную роль играло пополнение населения за счет внешних источников, так как естественный прирост был еще крайне низким. Это было тесно связано с напряженной внутри- и внешнеполитической обстановкой, слабым развитием производящего хозяйства, низкой плотностью и неравномерным размещением населения в крае. В связи с этим заметную роль в воспроизводстве этноса играли этногетерогенные браки. Отношения переселенцев и местного населения носили в основном мирный, дружественный характер. Военные столкновения возникали в связи с походами «за зипунами» и при возникновении нужды обороняться от соседей. Переселенцы еще не приобрели специфической военной, социальной и профессиональной организации.

С зафиксированного в документах 1567 г. начинается постройка первых военных городков-крепостей на Дону, Сунже, Тереке и Судаке с преимущественно русским населением. Их строительство было вызвано в первую очередь потребностью противостоять враждебным акциям со стороны Турции, Ирана или их местных союзников. Со временем население этих городков-крепостей становилось смешанным, полиэтничным. Об этом свидетельствует, например, существование в конце XVI в. в Терках (русская крепость, заложенная в 1588 г. в устье Терека) Черкасской, Окоцкой, Татарской, Кумыкской, Ногайской и Новокрещенской слобод, основанных осевшими там группами кабардинцев, чеченцев, кумыков, ногайцев и других северокавказских народов. Именно это в существенной мере определяло характер первых укрепленных пунктов в крае в XVI — начале XVII в.

Результатом описанных процессов стало то, что в середине — конце XVI в. были созданы Гребенское и Терско-Низовое казацкие войска.

В XVI—XVII вв. переселенцы жили компактными группами, при сравнительно низкой плотности населения, сохраняя относительно мирные взаимоотношения с местным населением. Важное адаптивное значение на

данном историческом этапе имели психологические и демографические факторы. В частности, значительную роль сыграл изначальный настрой русских переселенцев на длительный разрыв с родными местами, сознательное стремление обрести на чужбине свою вторую родину. Не менее важными были прочность внутриобщинных связей и традиций, коллективная взаимопомощь переселенцев.

Важным событием, повлиявшим на дальнейшую судьбу восточнославянского населения Северного Кавказа, Дона, Терека, Сунжи, стало почти полное включение в 1721 г. казачества в состав вооруженных сил России. Этим были сильно ограничены его прежние вольности, регламентирован весь образ жизни; казачество хотя и сохранило свои субэтнические черты, но было поставлено под государственный контроль.

С созданием Моздокского форпоста в 1765 г. территория обитания славянского населения расширилась на запад. Помимо образования «русских станиц», к этому времени относится и появление селений (Луковской, Александрийской, а в нач. XIX в. — Ново-Осетинской и Черноярской), жителями которых были осетины, грузины и представители других горских народов Кавказа. В их среде также прослеживались интеграционные процессы, что проявилось в формировании органов самоуправления и социальной структуры по казачьему «образу и подобию», принятому у казачества, восприимчивости казачьих типов поселений, жилища, костюма, распространении двуязычия и т. п. Подобные процессы протекали и на Дону. С XVII в. население Дона за столетие выросло почти в 10 раз. В XVIII в. расширяется территория Донского войска — заселяется Донское понизовье, Миусский бассейн, Задонье. К 1770 г. на Левобережье Дона были переселены ногайцы, началось освоение побережья Азовского моря. Этот этап формирования восточнославянского населения Северного Кавказа, охватывающий эпоху с середины XVI по середину XVIII в., целесообразно именовать ранним «казачьим периодом» его истории.

Рубежом, знаменующим завершение первого этапа восточнославянской колонизации Северного Кавказа и начало ее второго этапа, можно считать 1785 г., когда указом Екатерины II было образовано Кавказское наместничество с центром в г. Ставрополе (просуществовавшее до 1796 г.).

Второй этап (80-е гг. XVIII — 60-е гг. XIX в.)

▪ Второй этап в истории заселения Северного Кавказа восточными славянами совпал с нарастанием политической и военной активности России на Кавказе, имевшим различные побудительные мотивы: внешнеполитические, колонизационные, торговые и проч. Все более укрепляясь на берегах Каспийского и Черного морей и в силу этого испытывая потребность в достаточных вооруженных силах на южных границах государства, русское правительство стремилось создать на Дону, Тереке, Сунже сильное казачье

войско, рассматривая это как решение проблемы заселения юга России, и в первую очередь Северного Кавказа.

Гражданская (невоенная) колонизация этих мест в рассматриваемый период была подчинена достижению стратегических внешнеполитических целей России в этом регионе. Оно было представлено двумя направлениями — плановым переселением жителей из центральных и южных районов России и стихийным (народным) колонизационным движением из тех же районов.

В целях упрочения позиций на Северном Кавказе правительство Екатерины II создало и укрепило Кавказскую кордонную линию. Эта линия от Моздока до Азова должна была состоять из 10 крепостей, точнее, укрепленных селений с промежуточными редутами между ними. Для заселения этих мест в 1770 г. с Волги были окончательно переведены остатки Волжского казачьего войска, составившие в районах нового расквартирования полк того же названия.

В 1824 г. генерал А. П. Ермолов создал между Моздоком и «волжскими станицами» новую казачью линию из семи крестьянских селений, получившую название Горского казачьего полка. В результате территория населенными пунктами с преимущественно русским населением значительно расширилась. Два крестьянских селения — Курская и Государственная станицы — были заселены по преимуществу украинцами. К тому же времени относится создание почтовых дворов, преобразованных в XIX в. в селения. Образование в 1786 г. Кавказского наместничества привело к появлению новых городов. В губернский город была превращена крепость Екатеринодар, а крепости Георгиевск, Моздок, Кизляр, Александровская стали уездными городами.

Почти одновременно с заселением северо-западных районов Прикубанья происходили колонизация (в форме принудительного переселения) и дальнейшее укрепление станиц Старой Линии. В заселении этих мест значительная роль принадлежала «выселенцам» с Дона—казакам Усть-Медвединского, Хоперского и Второго Донского округов. В 1802 г. здесь поселяются также казаки Екатеринославского войска, создавшие ряд военных укреплений, которые позднее стали станицами (Усть-Лабинская, Кавказская, Прочноокопская, Григориполисская, Приближная, Солдатская и др.). В освоении этих мест принимали участие не только хоперские и волжские казаки (т. е. русские), но и украинцы.

Наконец, в 30–40-е гг. XIX в. усилиями правительства было создано еще 30 новых станиц, в населении которых (в целом смешанном) преобладал восточнославянский этнический элемент. В эти годы, несмотря на правительственные запреты, продолжалось массовое переселение на Дон русских и украинских крестьян. В начале XIX в. численность населения Донского войска составляла более 300 тыс. человек.

Подводя итоги описанию военной колонизации Северного Кавказа, при которой казачество становилось основной частью славянского населения края, необходимо особо отметить ту значительную трансформацию, которой оно подверглось. Переход казачества в полное подчинение россий-

скому военному ведомству и окончательная потеря им своих вольностей положили конец его «естественному» развитию. Казачество переродилось в военно-служилое сословие в рамках государства, находившееся под сильным влиянием Русской Православной Церкви. Плата за службу казакам и в новое время продолжала строиться на старой феодальной основе. Она включала систему натуральных выплат, главную статью которых составлял крупный не облагаемый налогом земельный надел.

Но северокавказское казачество, обретая собственный облик, специфический культурно-бытовой и хозяйственный уклады, психологию, постепенно приобретающие устойчивый характер, создавало и воспроизводило, сохраняло свои субэтнические черты. Таким образом, начиная с XIX в. его можно рассматривать уже как особую сословно-этническую группу. (Этот вопрос приобретает особую актуальность в наше время.)

Увеличение населения края, считающего себя казаками, потребовало от правительства решения вопроса об обеспечении его жителей продовольствием, который можно было разрешить только с помощью развития земледелия в заселяемых казаками районах. Достижение этой цели правительство видело в планомерной гражданской колонизации края. Уже в конце XVIII в. началось организованное переселение на Дон, Терек из Центральной России части крепостных крестьян князя Александра Вяземского, графа Александра Воронцова и других крупных землевладельцев. Одновременно правительство щедро раздавало т. н. казенные земли на Дону, в Терской и Кубанской областях помещикам при условии, что те заселят их своими крепостными крестьянами.

Но «дворянская колонизация» казачьих земель на Дону и по Тереку в этот период решающего успеха не имела. Значительно больших результатов достигла она на Кубани, где имелись значительные массивы неиспользуемых плодородных земель. Кроме того, 36 русских и украинских поселений в Терской области и около 40 в Кубанской были основаны по приказу правительства «казенными» поселянами, прибывавшими из внутренних районов России, и отставными солдатами.

Главной чертой второго этапа заселения земель по Дону, Тереку, Сунже и Кубани (особенно во второй его половине) стали массовые стихийные переселения русских и украинцев на Северный Кавказ. Этому способствовали заметно обострившаяся борьба крестьян против крепостного строя и частые стихийные бедствия (засухи, неурожаи, голод и т. п.), затронувшие значительные массы крестьянства в центральных губерниях России. На Дон, в Терскую и Кубанскую области устремились государственные крестьяне различных категорий — однодворцы, экономические, дворцовые и др. Ряды переселенцев пополнялись и за счет помещичьих крестьян, отставных солдат, мещан и иного «беспаспортного люда». Наконец, самовольно двинулись на Северный Кавказ и разорившиеся дворяне, а также различные предприниматели — с целью скупки частных земель, розданных правительством вышедшим в отставку офицерам. Основными губерниями,

поставлявшими переселенцев, были Екатеринославская, Полтавская, Киевская, Черниговская, Харьковская, Воронежская и ряд других.

Несмотря на неизбежное в таких случаях смешение, в составе переселенцев отчетливо сохранились определенные локальные группы русского и украинского происхождения; при этом процент украинцев возрастал с востока на запад (на Тереке и Кубани) по мере приближения к историческому ареалу расселения в рамках Русского государства. Станицы и гражданские селения с населением переходного (смешанного) этнокультурного состава были характерны для предгорных районов края. В среде донских казаков, особенно в низовье Дона, находилось значительное количество украинцев. Своеобразную группу населения составляли «новообращенные казаки» из числа неславянских народов Кавказа, проживавшие на территориях расселения русских и украинцев. Культура и (прежде всего материальная) подверглась сильному влиянию восточнославянских традиций.

В XVIII — 1-й половине XIX в. рост славянского населения на Северном Кавказе происходил в первую очередь за счет внешнего фактора — многочисленных миграций. Но нельзя игнорировать и увеличение естественного прироста, что было связано с прогрессирующим экономическим освоением края, интенсивным развитием пашенного земледелия и закономерным в таких случаях образованием новых большесемейных производственных коллективов.

К началу XVIII в. состав казачества становится достаточно сложным, что определило характер этнических процессов и их последствий в рассматриваемое время. В среде северокавказского казачества можно выделить:

1. Восточнославянскую, или русско-украинскую, группу. Уже в XVII в. она преобладала количественно, политически и в культурном отношении, определяя облик всего сообщества.

2. Интегрированные группы «горских казаков» — состоявшие из грузин, осетин, чеченцев и др., на Тереке и адыгов-шапсугов — на Кубани, калмыков, татар на Дону. Они занимали второе место по численности и были связаны в местах расселения с восточными славянами казачьими сословными отношениями. Большая их часть, переселяясь на новые места крупными организованными группами, включавшими и семьи, сохраняла свое культурно-бытовое своеобразие. Они селились либо среди казаков, либо отдельными станицами, в которых славянское население находилось в меньшинстве, например Александрийская, Ново-Осетинская, Черноярская и др.

Переселение этих неславянских групп компактными семейными коллективами (в отличие от одиночного переселения на предыдущем этапе) препятствовало их ассимиляции в среде казачества и зачастую делало интеграцию этих групп в структуре казачьего войска неустойчивой. Однако под влиянием контактов со славянским населением края и целенаправленной политики войсковых властей развитие интеграционных процессов в их среде все же имело место. Оно проявлялось, например, в формировании типично казачьих органов самоуправления и социальной структуры, в ряде общих элементов культуры: самосознании, двуязычии, костюме, некоторых обычаях (например, воинских) и др.

В состав северокавказских казачьих войск входили и локальные группы, объединявшие представителей некоторых тюркоязычных этносов: ногайцев, турок, крымских татар, а также монголоязычных калмыков. Так, в конце XVIII в. на Левобережье Дона были переселены 30 тыс. ногайцев, а в начале XIX в. в Войске Донском числилось 1420 калмыков. Их объединение происходило в основном по конфессиональному признаку. Как и представители других этносов (тюрки, греки, армяне, поляки), горцы, вступавшие в казачье сословие, не могли существенно повлиять на состав и культуру восточнославянского казачества

Изучение этнических процессов восточнославянского населения Северного Кавказа было бы неполным без учета социального и правового положения т. н. «иногородних», не приписанных к казачьему сословию (их основная масса стала складываться уже в конце XVIII в.). Этим термином в районах проживания казаков, в том числе и на Кавказе, обозначались переселенцы, проживавшие на территориях станичных обществ постоянно или временно, но не приписанные к казачьему сословию. Так же именовалось в России и постороннее население, проживающее в «чужих» селениях, где было введено общественное устройство, обычное для крестьянских сел страны. Этот термин применялся не только в обыденной речи, но и в официальных документах. В 1872 г. правительством даже было издано специальное постановление о замене его более регламентированным канцелярским термином «лица невойскового сословия», хотя в быту и разговорном языке эта громоздкая конструкция не прижилась, о чем свидетельствует тот факт, что термин «иногородние» бытует и в наши дни.

Натуральные повинности (подводную, постоянную, возведение береговых укреплений и т. д.) «иногородние» были обязаны исполнять наравне с казаками (кстати, на практике на них нередко перекладывали основную тяжесть этих повинностей). Никаких прав не имели «иногородние» и на коллективные угодья казачьей общины — леса, покосы, природное сырье этих угодий и т. д. В органах станичного управления «иногородние» не принимали никакого участия.

В быту казаки нередко враждовали с «иногородними» — чаще всего из-за боязни перераспределения жизненных благ, которыми правительство наделяло казаков, стремившихся сохранить свои сословные привилегии. Сказывалась, естественно, корпоративная замкнутость казачества, связанного общностью выполнения своих специфических профессиональных функций, временем и местом формирования (традиционный антагонизм и неравенство прав старожилов и новоселов, восходящие к обычному праву) и т. д. Значительную часть старого казачества таких окраинных территорий империи, как земли Дона, Терека и Кубани, составляли ушедшие в свое время от идеологического преследования раскольники-старообрядцы разных толков, в то время как более поздние по своему происхождению группы «иногородних» относились по преимуществу к «чистым» православным. И с этой стороны отношения между ними не могли быть «комплимен-

тарными» (особенно когда разнонаправленно проявлялся профессиональный фактор). Но примеров заимствования в культуре и традициях, сотрудничества гораздо больше, чем потиворечий и конфликтов.

В свете вышеизложенного понятно активное желание «иностранцев» поднять свой социальный статус, перейдя в казачье сословие, а это, в свою очередь, может служить естественным объяснением численного преобладания «казаков» в составе славянского населения Северного Кавказа в рассматриваемый период времени. И, тем не менее, роль «иностранцев» в освоении края была велика, ибо казачье население Северного Кавказа в силу возложенных на него профессиональных функций практически не имело возможности посвятить себя хозяйственным занятиям. «Иностранцы» же (русские, украинцы), мастеровой люд (землепашцы, кузнецы, овчинники, портные, сапожники и т. п.) сыграли существенную роль в подъеме производительных сил на Северном Кавказе, в интенсификации процессов социально-экономического, этнического и культурного развития края. Их массовый приток на Северный Кавказ в XIX в. способствовал и разложению казачьей общины, преодолению сословной замкнутости казачества, глубоким изменениям во всем общественном укладе, быте и культуре.

Третий этап (60-е гг. XIX — начало XX вв.)

■ 60-е гг. XIX в ознаменовались важными политическими событиями, судьбоносными для всех народов России, в том числе и Северного Кавказа: отменой крепостного права (1861 г.), окончанием Кавказской войны (1864 г.), проведением ряда реформ на Северном Кавказе, подорвавших устои патриархально-феодалных отношений коренных народов Северного Кавказа (1867 г.), принятием нескольких законов, касающихся населения казачьих станиц (1868 г.), и т. д.

В эти годы усиливается массовое переселение в Терскую и Кубанскую области, достигшее апогея в начале XX в. Массовость миграции была связана с тем, что плановые правительственные и стихийные переселения слились в единый поток. Третий этап заселения края совпал с «экономическим завоеванием» Кавказа. Он носил — это особо следует подчеркнуть — хозяйственный, гражданский характер. В отличие от предшествующих этапов состав переселенцев в это время был, при явном преобладании славянского этнического компонента, многонациональным.

Архивные и прочие материалы Ставропольского управления государственных имуществ свидетельствуют о бесконтрольной и хищнической раздаче земель на Дону, Тереке, Кубани в связи с миграцией. Значительная часть земельных площадей была передана «в пожизненное пользование» частным лицам. Много земель досталось Удельному ведомству. Крестьянские же переселенцы в большинстве своем ничего не получили и были вынуждены селиться на землях казачьих станиц в качестве «иностранцев».

Часть площадей, переданных в частное владение, была скуплена купцами, промышленниками, мещанами. На таких землях обычно возникали хутора — это стало отличительной чертой рассматриваемого исторического периода.

Значительная часть не получивших земли русских, украинских переселенцев оседала в городах. Это явление, приводившее к росту городского славянского населения, стало также характерной чертой рассматриваемого периода. По переписи 1897 г., в Кубанской области «иностранцы» составляли около 42% городского населения, а в Терской области основная их масса (70%) проживала в городах. В целом в 1897 г. 90% населения Кубанской области и 34% Терской было восточнославянским. В области Войска Донского в конце XIX в. проживало 1 026 263 человека войскового сословия.

Так, например, наиболее массовые потоки переселенцев в Кубанскую область шли из губерний Европейской России: Воронежской (14,4% общего количества мигрантов), Харьковской (13,17), Полтавской (12, 56), Курской (10,5), Екатеринославской (7,79), Черниговской (5,9), Донской (5,07) областей, Орловской губ. (3,73), Таврической (2,53), Тамбовской (2,32) и т. д. Статистические данные и анализ посемейных списков свидетельствуют, что южнорусские и украинские губернии (в конце XIX — начале XX в.) давали почти равные по численности контингента мигрантов — «иностранцы». Это справедливо и для населенных преимущественно русскими казаками восточных районов края, прежде входивших в состав Кавказского линейного казачьего войска, и для западных, бывших черноморских казачьих районов, где преобладало украинское население. Несмотря на наплыв русского и украинского населения в Кубанскую область в конце XIX — начале XX в., преобладание украинцев в западных и русских — в восточных ее районах, сложившееся еще в конце XVIII — начале XIX в., сохранилось. Столь стойкое сохранение этнических особенностей в значительной степени объясняется определенными, если угодно, особыми социальными условиями жизни различных слоев сельского населения Кубани, в первую очередь казачества.

В Терской области соотношение переселенцев и местного старожильческого казачьего населения было иным. Последнее здесь явно преобладало. Так, в Кизлярском отделе «иностранцы» составляли лишь 2,6% населения, в Нальчикском — 6,6%. Колонизация Терской области приобрела наибольший размах с 80-х гг. XIX в., достигнув апогея к началу 90-х гг. Колонизационные же фонды земельных угодий на Кубани и в Ставрополье иссякли уже к 80–90-м гг. В отличие от Кубани в миграции в Терскую область в рассматриваемый период колонисты-крестьяне, сорванные с насиженных мест бедностью, безземельем и голодом, составляли сравнительно малый процент. Зато более значительной была доля богатых переселенцев, капиталистов-предпринимателей — «тавричан» (владельцев огромных отар овец, основавших здесь свои селения и хутора). Из 39 поселений, основанных переселенцами этой волны миграции, лишь 4 относились к селениям крестьянского типа. На Дону в 80-е гг. XIX в. число лиц

невоицкого сословия составляло 39 %, а к началу века по численности превысило казачество в 2,3 раза.

Характерной чертой третьего этапа стало также переселение в города и станицы Дона, Терека и Кубани иностранцев — немцев, болгар, поляков и др. Ими были созданы т. н. «колонки» (колонии) с достаточно полиэтничным населением. Участвовали в миграции и грузины, армяне, калмыки, ногайцы, татары, греки, молдаване.

В динамике численности восточнославянского населения на Дону, Тереке и Кубани в рассматриваемый период роль «внешних» (миграции) и «внутренних» (естественный прирост) факторов почти сравнялась. Совместное проживание на территории этих областей двух групп славянского населения (казачьего и «иностранного») породило между ними связи хозяйственного, военного и родственного характера. Картину этнокультурных характеристик осложняли и разнообразили неоднородный этнический состав казачества, его особый юридический статус, социально-экономические и внешнеполитические изменения в стране, происходившие в течение почти четырех столетий (XVI — нач. XX в.), а также этническая неоднородность районов Русского государства, откуда шел основной приток мигрантов.

Для этнодемографической ситуации на Северном Кавказе середины XIX — начала XX в. были характерны высокая подвижность населения, особенно из южных и центральных районов России и с Украины, и неуправляемость миграций; эмигранты составляли почти 70% населения. Полиэтнизация региона крайне усложняла этнокультурную среду и вызывала определенную дестабилизацию местного культурного комплекса.

Все это вместе с усилением процессов консолидации завершило формирование сословно-этнических общностей донских, терских и кубанских казаков, составивших значительную часть восточнославянского населения Северного Кавказа.

Четвертый этап (1917 г. — начало 90-х гг. XX в.)

■ К 1917 г. в России насчитывалось 11 казачьих войск, в это число входили старейшие из них: донские, терские, кубанские.

Октябрьская революция разрушила традиционный уклад хозяйственной жизни и быта казачества. Социально-экономические процессы в стране, в том числе ликвидация сословий и форм собственности, оказали большое влияние на дальнейшую судьбу казаков. Они были вовлечены в революцию и Гражданскую войну, участвуя как на стороне «белых», так и «красных», что привело к гибели десятков тысяч человек. Пострадали казаки и в период проводимой правительством политики «расказачивания» и «раскулачивания», начатых в 1919 г. на Дону и продолжавшихся вплоть до 1927 г. В результате этих репрессий казачество лишилось значительной части своих земель и практически оказалось «вне закона».

Пятый этап (90-е гг. XX в. — настоящее время) — возрождение казачества

■ Основой восстановления казачьего движения Юга России, идей, объединяющей Донское, Терское и Кубанское войска стал лозунг о возрождении казачества как отдельного народа. Поэтому к наиболее ярким формам политического позиционирования казачества относятся разнообразные заявления и акции, создание различных институциональных структур, обладающих этническими характеристиками. В частности, неоднократно предъявляемые федеральной власти требования территориальной реабилитации казачества как репрессированного народа, заявления о необходимости внесения изменений в административно-территориальное устройство Юга России, о воссоздании в различных формах административных казачьих образований, введении атаманского правления, общинного землепользования и осуществлении других мер, направленных на возрождение и сохранение казачества как народа (этноса).

Политизации казачества в 90-е гг. способствовало непосредственное соприкосновение казачества с кавказскими народами и созданными ими национальными движениями, преследующими политические цели и провозглашающими приоритет этнических ценностей во всех сферах общественной жизни. К способам позиционирования казачества в этнополитических процессах относятся выходящие за рамки общероссийского политического и правового пространства акции, такие как подписание соглашений с оппозиционными федеральному центру сепаратистскими политическими силами (Д.Дудаев, Конфедерация народов Кавказа), вмешательство в межэтнические конфликты на стороне одного из участников (КЧР); требование пересмотра административно-территориального устройства РФ (территориальной реабилитации казачества); организация вооруженных отрядов для защиты славянского населения региона; заигрывание с русскими националистическими организациями (РНЕ), проведение антимиграционной политики, угрозы игнорирования Переписи населения, требования особого правового и имущественного статуса на основании этнической специфики.

Подобные действия отражали несогласованность и противоречия в среде самого казачества Юга России (стремление к государственной службе и в то же время оппозиция федеральной власти) и демонстрировали его неуправляемость со стороны федеральной власти, но с точки зрения политического позиционирования себя в качестве реальной политической силы, были весьма эффективны, о чем свидетельствует принятие ряда федеральных и региональных нормативных правовых актов по вопросам казачества, а также институциональные взаимодействия с ним (договоры, конфликты) националистически ориентированных политических партий и движений.

Наиболее значимой и массовой акцией этнополитического позиционирования стала подготовка к Переписи населения 2002 г., когда достиже-

ние всех поставленных идеологами казачества целей тесно увязывалось с признанием казачества отдельным народом, которое было возможно в результате удачного, с их точки зрения, проведения Переписи.

Казачьи аналитики прогнозировали численность российского казачества в 6–7 млн. человек, но результаты Переписи показали, что этнической идентичностью «казак» в России обладают 140028 человек, подавляющее большинство которых проживают в Южном федеральном округе (133 775 человек или 95.5%). Несмотря на «провал» проекта этнического возрождения, «казаки все равно остаются казаками, они живут на своей земле и работают со своими атаманами»¹. О потенциале казачьего движения можно судить по реализуемым им в настоящее время проектам:

- встраивание в систему власти, реализуемое через назначение атаманов на высокие административные должности, создание в структуре администраций специальных подразделений, принятие региональных законов «О муниципальных казачьих дружинах»;

- укрепление административного ресурса, который оценивается количеством и статусным положением должностных лиц, заявивших о своей казачьей идентичности и имеющих различные казачьи чины;

- участие в муниципальной реформе, позволяющей на территориях традиционного проживания казачества установить атаманскую форму правления;

- расширение сфер деятельности муниципальных казачьих дружин, которые рассматриваются как фактор правопорядка;

- организация общероссийской системы кадетского образования, целью которого является формирование казачьей элиты;

- оказание «помощи братьям-казакам», проживающим на территории Абхазии, Приднестровья, Крыма, Луганской и Донецкой областей;

- инициирование референдума по вопросу объединения Ростовской и Волгоградской областей в единый субъект.

Федеральная власть в течение всего периода возрождения казачества была озабочена формированием правовой основы этого процесса и держала в поле зрения феномен казачества и его роль (функции) в социально-политической жизни России.

Всего с 1990 по 2005 г. было принято около 120 государственных актов, относящихся к казачеству. На начальном этапе правовой институционализации современного российского казачьего движения основополагающие концептуальные позиции были обозначены в законе РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 и сопровождавших его нормативных актах, где казачество признавалось одним из репрессированных народов. Данные нормативные правовые акты закрепляли за казачеством статус культурно-этнической общности людей, за ко-

---

¹ Юбилейный круг //Донские войсковые ведомости. № 10 (153) 11 декабря 2004 г. С. 1.

торой признавалось право возрождения и сохранения своего культурного наследия путем восстановления национально-государственных образований в границах, сложившихся до их упразднения. Следует отметить и роль постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1992 г. «О реабилитации казачества», в котором отменялись «как незаконные все акты в отношении казачества, принятые начиная с 1918 г. За казачеством признавались права на возрождение «традиционного социально-хозяйственного» уклада жизни и культурных традиций при соблюдении законодательства. В постановлении отмечалась необходимость возрождения традиционных форм землевладения и землепользования, несения воинской службы казаками, а также рассматривался ряд других актуальных проблем.

Но активизировавшийся процесс политизации этничности, особенно на Северном Кавказе, и, в частности, разнообразные выступления казачества под этнополитическими лозунгами, заставили власть изменить точку зрения на правовой статус казачества и попытаться превратить его из неуправляемого актора политических процессов в ресурс укрепления российской государственности в регионе.

Указ Президента РФ от 15 марта 1993 г. «О реформировании военных структур, пограничных и внутренних войск на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации и государственной поддержки казачества» предполагал создание казачьих формирований под эгидой силовых министерств, тем самым, определяя новый правовой статус казачества и возлагая на него новые функции. В восприятии автохтонного населения Северного Кавказа в Указе Президента, по существу, декларировалось восстановление казачеством особого сословного статуса, что усилило межэтническую напряженность в регионе.

Большое значение для дальнейшего возрождения казачества имела принятая в 1994 г. «Концепция государственной политики по отношению к казачеству», которая признала необходимость возрождения государственной службы казачества и стала основанием для различных форм его государственной поддержки, предоставления гарантий, финансовых, материальных и иных льгот, развития казачьего самоуправления и использования элементов государственного управления в отношении казачьих территориальных объединений.

Принципиально значимым тезисом Концепции было утверждение о том, что казачество исторически имеет многонациональные корни, в такой трактовке казачество выступало внеэтнической, надэтнической общностью. Предпринималась попытка не просто осуществить деполитизацию казачьей этничности, а декларировать её отсутствие как таковой, вывести эту тему из политического и правового дискурса, заменив темой внеэтнической казачьей общины.

На это же был направлен Указ Президента РФ от 9 августа 1995 г. «О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации»,

который можно трактовать как попытку создания вертикали управления казачьими войсками. В документе были разграничены казачьи общества, взявшие на себя обязанности государственной службы, подлежащие регистрации в Министерстве по делам национальностей и региональной политики, и казачьи общества, действующие на основе Федерального Закона «Об общественных объединениях». С этого же периода интенсивно пошел процесс раскола в казачьих рядах, основанием которого являлся вопрос о самоидентификации казачества — в качестве сословия или народа, и, соответственно, решение о вхождении или отказе от вхождения в Госреестр.

Организационный раскол на реестровых и нереестровых казаков на практике выразился в том, что реестровых казаков поддерживала официальная власть, однако, в соответствии с Указом, им было запрещено заниматься политической деятельностью, а казачьи подразделения, не вошедшие в Госреестр и считающие себя представителями отдельного народа (казачьего этноса), получив статус общественных организаций, примыкали к оппозиции и конфликтовали с органами власти и реестровыми казаками. Кроме того, проблема вхождения казачества Юга России в госреестр заключалась в том, что в условиях северокавказских республик реестризация казачества вела к ограничению возможностей русскоязычного населения использовать его в качестве института защиты своих политических интересов. В то же время другие этнические группы такими институтами обладали и использовали их при проведении всевозможных политических акций (выборы, митинги, демонстрации, политические заявления в прессе и т. п.).

Политика укрепления вертикали власти (новый порядок избрания глав субъектов федерации, новый порядок разграничения полномочий между федеральными и региональными органами власти, муниципальная реформа, запрет на создание политических партий по этническому принципу), начавшая давать свои результаты, позволила федеральной власти в 2005 г. вернуться к правовому закреплению статуса казачества как внеэтнической группы.

Современная российская политико-правовая система обладает механизмами, которые могут обеспечить альтернативные варианты возрождения казачьего движения России.

Первый вариант связан с реализацией Федерального Закона Российской Федерации «О национально-культурной автономии» от 17 июня 1996 г. Граждане Российской Федерации, относящие себя к потомкам казаков, а также граждане, добровольно вступившие в казачьи общества и позиционирующие себя в качестве этнической общности, наделяются функциями сохранения и развития своей самобытной культуры в рамках национально-культурных структур местного, регионального и федерального уровней. Подобные казачьи автономии уже функционируют в Северной Осетии–Алании и Карачаево-Черкесии.

Второй вариант предполагает возрождение казачества, особенно на Юге России, в рамках Федерального Закона Российской Федерации «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. Данный правовой механизм предоставляет возможность восстановления и развития обычаев и традиций возрождающегося казачества путем включения его в систему местного самоуправления. Казачьи муниципальные образования с настоящее время создаются в Ростовской области, Краснодарском и Ставропольском краях.

Правовую основу третьего альтернативного варианта развития казачьего движения составил Федеральный Закон Российской Федерации «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 г., позволяющий лицам, причисляющим себя к казакам объединяться, выражая общие интересы и достигая общие цели, функционируя как институт гражданского общества. В соответствии с этим законом действуют различные общественные объединения казаков, наиболее заметным из которых является международная общественная организация «Союз казачьих войск России и зарубежья».

В 2005 г. появился и четвертый вариант, когда граждане Российской Федерации, причисляющие себя к казакам, в соответствии с Федеральным Законом Российской Федерации «О государственной службе российского казачества» от 5 декабря 2005 г. могут принимать на себя обязательства по несению государственной и муниципальной службы. Принятие этого Федерального Закона в политическом и правовом плане закрыло эксплуатировавшуюся на протяжении 15 лет тему этнического возрождения казачества, нацеленного на создание казачьих государственных образований (республик) и правового признания особых экономических и политических прав казачества как этнической или субэтнической общности.

Таким образом, «правовая многоликость» казачества в сочетании с культурным единством, выражающемся в самоидентификации «мы — казаки», обеспечивает основу для прочного «вписывания» казачества в современную социально-политическую структуру российского общества.